

Введение

Стремительный рост

Весной 2008 года я подготовил сюрприз для моей жены по случаю двадцать пятой годовщины нашей свадьбы — поход к базовому лагерю Эвереста в Гималаях. Я забронировал поездку на октябрь. За три недели до нашего отъезда Lehman Brothers, четвертый по величине банк США, объявил о банкротстве, положив начало глобальному финансово-экономическому кризису.

В то время я занимал пост главного экономиста лондонского офиса Goldman Sachs, еще одного крупного американского инвестиционного банка. Я был в смятении. Отправляясь ли в запланированную поездку, что означало не просто покинуть офис на четырнадцать дней, но и остаться на две недели без какой-либо связи с внешним миром? И это в то время, когда, как казалось с точки зрения финансовой индустрии, мир рушился. После долгих размышлений я решил, что мы должны ехать. Ждать момента, когда в мире вообще не будет никаких кризисов, значит забыть об отпуске навсегда. К тому же мне пора было сделать перерыв. В течение последних недель я работал в режиме нон-стоп, включая выходные. Мое пребывание в офисе не разрешило бы кризис, в то время как отъезд мог предоставить мне возможность поразмышлять и взглянуть на проблему со стороны.

На пути к горе Эверест мы провели ночь в столице Непала Катманду в ожидании опасного перелета в Луклу. В ресторане нашего отеля мы оказались единственными посетителями, поэтому за

ужином нам удалось поболтать с метрдотелем. В ходе нашей беседы он упомянул о кредитном кризисе, охватывающем мир. Для нас на Западе кредитный кризис означал внезапную недоступность займов. Но для Непала, где коммерческая деятельность осуществляется в основном за наличные или по бартеру, это не имело особого значения. Что беспокоило нашего разговорчивого метрдотеля, так это непрекращающийся рост цен на энергоносители. Дефолты по субстандартным ипотечным кредитам мало интересовали жителей Катманду, но цены на топливо определенно находились в поле их зрения.

Наш разговор привел меня к мысли, что то же самое интересовало жителей Индии и Китая. Если бы цены на нефть опустились до докризисного уровня, то кризис, который мы все считали «глобальным», был бы вовсе не глобальным, а сугубо западным явлением. Я в долгу перед метрдотелем ресторана в Катманду за рождение этой важной идеи.

Первую остановку на пути к базовому лагерю Эвереста мы совершили в маленьком городке Намче Базар, расположенном на краю плато на высоте около 3800 м над уровнем моря. Местный рынок обслуживает многочисленных туристов и сообщества местных торговцев. Тибетские торговцы ведут своих яков и ослов через высокие опасные горы, чтобы доставить сюда свои товары. Я читал рассказы об этих отважных торговцах, в которые было трудно поверить. Но здесь я своими глазами увидел не только то, как они проходят долгий и трудный маршрут к Намче Базар, но и то, как по пути они обмениваются информацией о ситуации на рынке по мобильным телефонам. Я поразился: они звонили друг другу через китайского мобильного оператора, находясь в Гималаях, в то время как у меня сигнал пропадал во многих частях Великобритании.

В одной из лондонских газет перед самой поездкой я прочитал статью, в которой утверждалось, что глобализация закончена. Но здесь, высоко в Гималааях, перед нами предстал один из главных

инструментов современного бизнеса, используемый людьми, которые на первый взгляд казались далекими от цивилизации.

Это стало убедительным свидетельством того, что глобализация жива и здорова. В тот момент я понял, насколько узко мы порой смотрим на вещи.

В 2001 году в рамках серии Goldman Sachs Global Economics я написал исследовательскую статью, в которой рассматривалась взаимосвязь между ведущими экономиками мира и некоторыми крупными странами с развивающимися рынками¹.

Я предположил тогда, что мировая экономика в ближайшие десятилетия будет развиваться в основном за счет роста четырех густонаселенных и экономически высокоперспективных стран: Бразилии, России, Индии и Китая. Для того чтобы кратко обозначить эти страны, из первых букв их названий я составил аббревиатуру БРИК.

С тех самых пор этот термин в значительной степени определяет направление моей карьеры. Уже тогда я перестал рассматривать упомянутые четыре страны в качестве традиционных развивающихся рынков. Десять лет спустя я испытываю еще большее желание убедить мир в том, что эти страны, наряду с некоторыми другими восходящими экономическими звездами, являются двигателями роста мировой экономики сегодня и в будущем.

Когда в сентябре 2008 года разразился кредитный кризис, многие предполагали, что история стремительного взлета стран БРИК завершена. Временами меня тоже посещали подобные мысли. Фондовые рынки стран БРИК упали сильнее, чем рынки более развитых стран, и казалось, что шрамы на теле мировой торговли могут остаться навсегда. В конечном счете эти опасения оказались совершенно необоснованными. Можно сказать, что наоборот, именно за это время история успеха стран БРИК получила наиболее убедительное подтверждение. Они не только выдержали фундаментальные экономические потрясения, но и укрепили свою мощь.

Моя статья поначалу не вызвала широкого отклика, и ее идеи в то время не казались бесспорными. На основе анализа ВВП в глобальном масштабе я предположил, что доля четырех стран — Бразилии, России, Индии и Китая — в мировом ВВП, которая в то время составляла 8%, существенно увеличится в последующие 10 лет.

Я отметил, что ВВП Китая уже превышает ВВП Италии, которая прочно обосновалась в «Большой семерке» (G7) — группе экономических супердержав, и что лет через десять Китай начнет обгонять других членов G7. Я прогнозировал, что в течение следующего десятилетия вес стран БРИК, в особенности Китая, в мировом ВВП существенно возрастет. Миру придется обратить на это внимание.

Я составил прогноз, что при благоприятных условиях, которые в то время казались крайне маловероятными, Бразилия может к 2011 году поднять свой ВВП примерно до уровня Италии. Бразилия превзошла Италию в 2010 году, став седьмой по величине экономикой мира с размером ВВП около \$2,1 трлн.

Остальные страны БРИК сделали такой же впечатляющий рывок. Так, в первые месяцы 2011 года мы узнали, что экономика Китая обогнала Японию и стала второй по величине в мире. IndiGO, малоизвестная бюджетная авиакомпания из Индии, заказала 180 авиалайнеров A320. В результате, авиапарк этой компании стал составлять две трети от авиапарка уже давно работающей европейской EasyJet. А Россия стала крупнейшим автомобильным рынком Европы.

Все четыре страны БРИК превзошли мои предсказания, сделанные в 2001 году. Оглядываясь назад, можно сказать, что прогнозы, которые в то время могли показаться излишне оптимистичными и даже шокирующими, сейчас представляются довольно консервативными. Совокупный ВВП стран БРИК с 2001 года увеличился в четыре раза — с \$3 трлн до \$11–12 трлн. Мировая экономика за это время выросла в два раза, и примерно треть этого прироста обеспечили страны БРИК. Совокупный рост ВВП этих стран более чем вдвое превысил рост экономики США, что эквивалентно созданию

еще одной Японии и еще одной Германии или пяти таких стран, как Великобритания. И все это за одно десятилетие.

Некоторые наблюдатели считают, что влияние стран БРИК на мировую экономику преувеличено, потому что их рост был в основном обусловлен экспортом в развитые страны, а также увеличением цен на сырье. Экспорт, безусловно, сыграл в свое время важную роль в обеспечении экономического роста в Китае, но после кризиса 2008 года и последующего падения спроса в США и других странах одним этим фактором успех страны объяснить невозможно. Для Индии источником роста на протяжении 10 лет был внутренний спрос. Внутреннее потребление и увеличение расходов на инфраструктуру начинает играть все большую роль в обеспечении экономического роста стран БРИК. Подпитанный кредитами спрос со стороны США, безусловно, сыграл свою роль в развитии стран БРИК, но уже с 2008 года экономики этих стран продолжают набирать обороты, несмотря на проблемы, поразившие американскую экономику.

Как бы мы ни интерпретировали имеющиеся данные, важность БРИК в обеспечении мирового экономического роста не подлежит сомнению. Личное потребление в странах БРИК резко увеличилось. В Китае в период между 2001 и 2010 годами внутренние расходы увеличились на \$1,5 трлн, или примерно на размер экономики Великобритании. Увеличение в остальных трех странах было примерно на том же уровне, может быть, даже чуть большим. На страны БРИК сейчас приходится около 20% объема мировой торговли по сравнению с менее чем 10% в 2001 году. Торговля между странами БРИК растет гораздо более быстрыми темпами, чем мировая торговля в целом.

Учитывая успехи БРИК, неудивительно, что многие страны в настоящее время соперничают за право называться «новыми БРИК». Когда я общаюсь с друзьями из Индонезии, они указывают на то, что вместо термина БРИК должен использоваться термин БРИКИ. Мексиканские политики заявляли мне, что это понятие должно

на самом деле выглядеть как БРИКМ. В Турции хотели бы видеть БРИКТ.

В 2003 году мои коллеги из Goldman Sachs Доминик Уилсон и Рупа Пурушотаман подготовили статью, расширяющую мои прогнозы до 2050 года². Они предположили, что к 2035 году Китай может обогнать США и стать крупнейшей экономикой в мире, а к 2039 году совокупный ВВП стран БРИК превысит суммарный объем экономик стран G7.

Эта статья привлекла много внимания, хотя большинство в то время считало этот прогноз нереальным. Тем не менее наши последующие исследования показывают, что ВВП Китая может достигнуть уровня США уже в 2027 году (или даже раньше). С 2001 года ВВП Китая вырос в четыре раза — с \$1,5 трлн до \$6 трлн. С экономической точки зрения Китай за 10 лет создал три новых Китая. И вполне вероятно, что совокупный ВВП четырех стран БРИК превысит ВВП США еще до 2020 года.

В 2005 году руководимая мною команда исследователей из Goldman Sachs попыталась определить, кто войдет в группу развивающихся стран, идущих в кильватере БРИК. Группу из одиннадцати стран, в которую вошли Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Южная Корея, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция и Вьетнам, мы назвали Next Eleven («Следующие 11»), или сокращенно N-11. Хотя мы считаем, что экономика ни одного из членов N-11, скорее всего, не достигнет размеров экономики любой из стран БРИК, мы думаем, что Мексика и Корея способны играть в мировой экономике не менее важную роль, чем БРИК³.

Как и в случае с термином БРИК, я был немного удивлен тем, насколько быстро получила широкое признание концепция N-11. Для многих, от инвесторов до политиков, она стала важным инструментом анализа изменений в глобальной экономике. Такие инструменты становятся полезными как никогда, учитывая скорость и масштабы происходящих перемен. Концепции БРИК и N-11 не могут объяснить абсолютно все экономические явления

современности, но они помогают понять, что происходит в мировой экономике.

В начале 2011 года я пришел к выводу, что термин «развивающиеся рынки» (emerging markets) больше не может применяться к странам БРИК, а также к четырем странам из группы N-11 — Индонезии, Корее, Мексике и Турции. В настоящее время эти страны имеют прочные позиции по государственному долгу и дефициту бюджета, устойчивые торговые структуры и огромное число людей, неуклонно поднимающихся вверх по лестнице экономического благосостояния. Инвесторам, пытающимся оценить возможности, открывающиеся на новых рынках, а также политикам, стремящимся понять, какие изменения происходят в мире, следует смотреть на эти страны не как на традиционные «развивающиеся рынки». Мне кажется, что термин «растущие рынки» (growth markets) более точен.

Тем не менее популярность любых упрощающих классификаций должна всегда настораживать. В 1977 году, когда я завершал магистерскую диссертацию в области экономики и финансов, мой научный руководитель предложил мне подумать о продолжении учебы в докторантуре. Он сказал, что в Центре энерго-экономических исследований при Университете Суррея можно получить грант. Я решил не упустить эту возможность и не прогадал.

Шел 1979 год. Революция в Иране только что спровоцировала второй нефтяной кризис, поэтому приложение полученных мною знаний в области монетарной экономической теории к группе стран — членов ОПЕК и их инвестициям казалось довольно интересным занятием. Следующие два года я провел, углубляясь в теории, описывающие цены на нефть, картели и международное размещение активов. Я часто шучу с коллегами-экономистами, что, пожалуй, единственное, чему я научился за это время, это тому, как сохранить рассудок. Я проводил дни напролет в компьютерном классе или в библиотеке в попытке найти исчерпывающий ответ

на вопрос, как ОПЕК должна инвестировать свой избыточный капитал. Эта работа заставила меня осознать, что экономика — это социальная наука и в ней мало определенности. Зачастую то, что считается общепринятой истиной, на самом деле является не более чем ленивым консенсусом или излишне самоуверенным объяснением чрезмерно сложных явлений.

В конце 1970-х и начале 1980-х годов казалось вполне логичным предположить, что цены на нефть будут продолжать расти в очень долгосрочной перспективе. Однако к середине 1980-х они упали. Эта тенденция продолжалась на протяжении большей части следующих двух десятилетий. Консенсус, даже между ведущими экономистами, не позволил правильно оценить чувствительность спроса и предложения к росту цен на нефть. В краткосрочной перспективе поставщики и потребители нефти не особо реагировали на скачки цен. Но в долгосрочной перспективе они оказались гораздо более чувствительными к колебаниям цен, чем привыкли считать экономисты. Позднее в книге я еще вернусь к этому вопросу в контексте огромной потребности Китая в энергоресурсах, а сейчас я упоминаю об этом, чтобы показать, как часто экономисты ошибаются. Ленивый консенсус представляет собой мощную удушающую силу. Выявлять его и бросать ему вызов — это то, чему всем нам следует научиться.

Технологические изменения являются движущей силой нового этапа глобализации. Наши экономические модели не успевают за процессом размывания национальных границ и экстраординарными политическими изменениями последнего времени. После окончания Второй мировой войны Китай и Россия изолировали себя от остального мира, от западных идей и западной экономической политики. Однако сегодня образ жизни и модели потребления 1,3 миллиарда китайцев и 140 миллионов россиян практически не отличаются от западных. Даже с учетом их очень разных политических систем очевидно, что они тоже стремятся к росту личного благосостояния.

Футбольный клуб «Манчестер Юнайтед», за который я болею с детства, как сообщается, имеет 70 миллионов зарегистрированных китайских пользователей на своем сайте. «Макдоналдс» развивает ресторанные сети по всей территории Китая и России. Магазины модной одежды растут как грибы в обеих странах. Французская компания Louis Vuitton переживает взрывной рост в Китае и других странах БРИК. Продажи магазинов Louis Vuitton, расположенных в западных странах, держатся в основном на туристах из этих стран.

Французские студенты могут даже подзаработать, покупая для китайских туристов эксклюзивные сумки в парижском магазине Louis Vuitton в районе Елисейских полей. Глава Louis Vuitton рассказал мне, как работает эта схема. Раньше члены китайских преступных группировок предлагали китайцам полностью оплаченный двухдневный шоп-тур в Париж при условии возвращения в Китай с четырьмя сумками Louis Vuitton, которые они затем продавали с большой наценкой. Когда в Louis Vuitton узнали об этом, был введен лимит — одна сумка в одни руки. Для преодоления этого ограничения китайские туристы выискивают на Елисейских полях людей с подходящим внешним видом и предлагают им по \$50 за покупку сумки.

Я считаю, что продуманная политика Китая по активизации своего участия в процессе глобализации путем поощрения прямых иностранных инвестиций и более активного участия в мировой торговле побудила к аналогичным действиям Индию. Экономическому росту может способствовать целый ряд факторов, однако я убежден, что успехи Китая за последние 30 лет наглядно продемонстрировали индийским политикам, что можно существенно повысить уровень жизни более чем миллиарда людей, не жертвуя при этом социальной структурой и культурными особенностями.

Вовлекаясь все сильнее в мировую экономику, страны БРИК стали более восприимчивы и к лучшим макроэкономическим практикам Запада. Неожиданно для многих их политики и ученые стали

проявлять повышенный интерес к опыту экономического роста западных стран и использовать их на практике. Например, в Бразилии решение бороться с гиперинфляцией, разорявшей экономику страны на протяжении многих десятилетий, оказалось судьбоносным. Принятие и неукоснительное исполнение антиинфляционных мер помогли направить Бразилию 2000 года на совершенно иной путь по сравнению с Бразилией образца 1960 года.

Подъем и продолжающиеся успехи Бразилии, России, Индии и Китая удивили многих, включая и меня. Это явление, которое уже начало трансформировать жизни миллионов людей в этих странах, вытаскивая их из бедности и кардинально меняя их устремления. Оно начало оказывать влияние и на всех нас. Концепция БРИК, быстрое развитие экономик этих четырех стран и благоприятные перспективы, открывающиеся перед другими подобными им странами, стали важнейшей главой истории нашего поколения.